

Использование металлургических шлаков

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
ИНФОРМАЦИЯ —
НА СЛУЖБЕ ПЯТИЛЕТКИ

Выход шлаков на заводах черной металлургии нашей страны достиг почти 70 млн. тонн. Из них в 1974 году переработано 33,3 млн. тонн доменных, а также 3,8 млн. тонн сталеплавильных и ферросплавных шлаков.

Переработка шлаков — важная народнохозяйственная задача. Ее успешное решение позволит перевести заводы на работу без шлаковых отвалов, обеспечить промышленность ценными строительными материалами и ежегодно экономить свыше 100 млн. рублей.

В 1974 году на Криворожском металлургическом заводе у доменной печи объемом 5000 кубических метров пущена установка припечной грануляции производительностью 1,5 млн. тонн в год. Основные технические отличия ее от подобных установок заключаются в следующем: применены эрлифты для подачи шлаководяной пульпы в обезвоживатель карусельного типа; шлак подсушивается воздухом в специальном бункере; в оборотном цикле вода не осветляется в отстойниках. Внедрение таких установок позволяет полностью гранулировать весь выпускаемый шлак. Экономический эффект при этом достигается в два раза больший, чем при подаче

шлака на грануляцию в ковшах.

Ждановские заводы «Азовсталь» и имени Ильича, а также Алапаевский металлургический комбинат выпускают фракционированный щебень из отвалных шлаков на упрощенных дробильно-сортировочных установках открытого типа. При этом извлекается металл. Представляет интерес использование нефракционированных мартеновских шлаков завода им. Ильича в качестве щебеночных смесей для строительства дорог. Дробление шлаков затрудняется из-за включений металла, приводящих к поломкам дробилок. В связи с этим институтами ВНИИИстройдомаш и ВНИИИлома разработаны конструкции специальных щековых дробилок, пропускающих недробимые тела. Такие дробилки будут испытаны в промышленных условиях на шлаках НЛМЗ.

Опыт ММК по двухстадийному извлечению металла из сталеплавильных шлаков рекомендован для широкого внедрения. На нашем комбинате разработан также эффективный способ защиты доменного шлака от затвердевания в ковшах путем вспенивания поверхности расплава водой. При толщине вспененного слоя 150—300

миллиметров в течение 2 часов корка практически не нарастает, и выход расплава на грануляцию увеличивается.

На грануляционной установке ММК осваивается технология водовоздушной грануляции шлака, позволяющая ускорить опорожнение ковшей, снизить расход воды на грануляцию и уменьшить влажность продукции.

На нашем комбинате используется 3,1 млн. тонн в год (86,2 процента) доменного шлака. Шлак мартеновского производства (3,3 млн. тонн в год) вывозится в отвалы. Отвалные шлаки комбината, как показали исследования ряда научно-исследовательских институтов, пригодны для дорожного строительства. Их переработку целесообразно организовать по опыту заводов «Азовсталь» и им. Ильича, производящих фракционированный шлаковый щебень. Для этой цели приобретен комплект передвижного дробильно-сортировочного оборудования, с помощью которого можно перерабатывать до 800 тыс. тонн шлаков в год. Мартеновский шлак, прошедший магнитную сепарацию, может быть успешно использован дорожностроительными организациями и в нефракционированном виде, а ковшевые остатки доменного шлака — в минераловатной промышленности.

Во второй половине мая комбинат начал отгрузку отвалных шлаков комбината потребителям.

В. КОЛОМИЦЕ,
начальник участка
переработки шлаков
ЦЗЛ.

На правом фланге пятилетки

В трудных условиях работали в мае трудящиеся прокатного отделения листопркатного цеха № 2, т. е. обеспечение трехклетового стана и агрегатов резки металлом производилось двумя мостовыми кранами вместо трех. Но тем не менее коллектив месячный план выполнил. На наиболее ответственных участках в этот период работали самые опытные машинисты цеха. Среди них — ударник коммунистического труда Иван Григорьевич Драгунов, который обеспечивал металлом трехклетовой стан и агрегаты резки № 2, № 3 и № 7.

На снимке: Иван Григорьевич ДРАГУНОВ.
Фото Ю. Валабанова.

НАМ ОТВЕЧАЮТ

„ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ“

Заметка проработана сталеварскими бригадами на сменно-встречном собрании.

Плакаты, выпущенные с отклонениями от технологических инструкций, разбираются на совещаниях по качеству.

С целью снижения брака I передела и улучшения качества поверхности слитка в цехе совместно с работниками ЦЗЛ проводятся исследовательские работы.
О. КОРНЕЕВ,
начальник мартеновского цеха № 2.

„В НОТ НЕТ МЕЛОЧЕЙ“

Факты, изложенные в заметке, соответствуют действительности.

Воследствие недопоставки рабочих валков для трехклетового стана с заводом-

поставщиков (на 1 января 1976 года было всего 23 новых валка) были созданы трудности в работе. В 1976 году запас валков доведен до 53, и положение улучшилось, но нормальный, не снижаемый запас — до 88 валков — еще не восстановлен.

В связи с реконструкцией пятиклетового стана ЛПЦ № 3 принято решение установить существующий раздаточный и транспортный пятиклетовый стан ЛПЦ № 2. Магнитогорский Гипрометпробрабатывает вопрос установки этого оборудования в ЛПЦ № 2. В процессе станов ЛПЦ № 2 производится установка нового крана грузоподъемностью 35 тонн.

А. ДОВБОНРАВОВ,
зам. главного прокатчика.

„ХОТЕЛИ, КАК ЛУЧШЕ“

Факты, изложенные в корреспонденции, имели место. В настоящее время заказ на изготовление 5 и 6 групп нагревательных колодцев выдан управлению Востокметаллургмонтаж, которое по мере изготовления металлоконструкций будет поставлять их к месту реконструкции автотранспортом.

В. КУДИМОВ,
начальник обжимного цеха № 2.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ Назначения

Инженер ЛИТОВЧЕНКО Алексей Потапович освобожден от должности начальника листопркатного цеха № 3 и назначен главным прокатчиком комбината.

Инженер КУВШИНОВ Василий Андреевич назначен начальником листопркатного цеха № 3.

Инженер КОТЕЛЬНИКОВ Станислав Федорович назначен заместителем начальника ЛПЦ № 3.

Инженер ПРАТУСЕВИЧ Александр Ефимович освобожден от должности начальника листопркатного цеха № 5 и назначен заместителем главного инженера комбината по автоматизированным системам управления.

Инженер ШИЧКИН Иван Никитич освобожден от должности начальника листопркатного цеха № 2 и назначен начальником листопркатного цеха № 5.

Инженер ЕСИПОВ Иван Васильевич назначен начальником листопркатного цеха № 2.

Известный магнитогорский писатель Станислав Васильевич Мелешин закончил работу над новой повестью «Баюшкин идет на вы». В ней рассказывается о любви, о жизни людей огненной профессии — металлургах.

Предлагаем вниманию нашего читателя новую работу прозаика Станислава Мелешина.

БАЮШКИН ИДЕТ НА ВЫ

Станислав МЕЛЕШИН

Маленькая повесть

Выехать за город на массовку отказался только сталевар Баюшкин.

По прозвищу «Верста», нескладный длинноногий парень с тихим виноватым лицом, долго не соглашался и, бросая голубые взоры на решетчатые закопченные стекла крыши мартеновского цеха, смущенно ссылался на неотложные домашние дела, нездоровье, неожиданный приезд родственников, огорченную маму и просто нежелание терять заслуженный день отдыха, мол, проведет этот день как он хочет, в общем, приплетал бог знает что, лишь бы Жолудев, член месткома, отвязался.

Жолудев — его подручный, не отвязывался. Он насаждал медведем, рубил воздух широкой ладонью, расхваливая почти еще летнюю зелененькую травку-муравку, давил на сознательность, на святое чувство товарищества, торопясь и как бы захлебываясь, бросал своим басом в бледное лицо Баюшкина тяжелые, как булыжники, укорины, мол, нельзя отрываться от коллектива, мол, необходимо всем работать и веселиться плечом к плечу, и, порядком устав, хотел добиться неотразимым, по его мнению, весомым аргументом: «Выпьем, как следует, «Я люблю тебя жизнь» или «Шумел камыш» затнем всем обществом, в котором на лоне природы и начальство пьет без оглядки».

Уломал-таки, настырный Жолудев, хотя и знал, что Баюшкин непьющий. Они стояли на чугунных плитах рабочей площадки около бачка с газировкой и поочередно пили шипящую воду и кричали друг на друга под скрежет и грохот завалочной машины, размахивая руками, словно решали какую очень важную производственную проблему. Жолудев пил много и жадно, отдуваясь и фыркая, поднимал пустую кружку над головой, гремел длинной цепочкой. Баюшкин отметил: если кружка пуста — цепочка звенит, а еще заметил впервые, что у члена месткома один глаз косит, смотрит как бы отдельно от второго, не в ту сторону. Ему стало как-то неловко и немного жалко Жолудева, вот тогда он и согласился поехать отдыхать на доно пригороды «плечом к плечу со всем обществом».

— Ну, вот и славно! — выдохнул Жолудев и ласково припечатал свою ладонь на худую чуткую спину Баюшкина, будто обнял.

Главной же причиной неохоты дополнять своей персоной массовку, чтобы культурное мероприятие было, по выражению подручного, «с охватом на все сто» и он стал бы тем последним гвоздем или заклепкой, когда мастера, закончив работу и отдышавшись, произносят: «Ну, все! Спокойно!» то, что он до нервной дрожи ждал этот воскресный день, чтобы увидеться с Флюрой, студенткой пединститута.

Пригласить же ее на массовку он не то чтобы стеснялся, а просто знал: Флюра с ним даже в рай не пойдут... Это уж точно. Она у него строго принципиальная!

Он до сих пор жалеет, что согласился поехать на эту массовку, и теперь вот кланет последними словами тот

бестолковый день, который называл «днем чертополоха».

Помнит переполненный заводской олаженно поющий автобус, лихо мчавшийся по степному шоссе к голубым горам Урал-Тау, дебелую Полину — сестру Жолудева, лаборантку ЦЗЛ, с которой едва уместились на одном сидении. Все пели «Я люблю тебя жизнь», он один не пел по причине того, что сидел неудобно, на краешке, было горячо — от Полины веяло жаром и веселостью, а чтобы он не свалился, она придерживала его, властно обняв за шею своей волнующей, что-то обещающей рукой и шептала в ухо: «Сядь ко мне на колени...». На колени садиться он устыдился и, словно не расслышав ее просьбы, тоже запел, как ему показалось, громче всех. Орал, в общем.

И когда автобус остановился перед крутым спуском с горы и все выпрыгнули, уже на земле Полина отстала, затерялась в толпе, молча оглядывающей окрестное величье.

Отсюда, с высоты, взгляд расстилался по голубой шелковой глади огромного спокойного озера, — словно опрокинулось на землю полнеба, сжатого зелеными горами и желтой степью. А говорили, что на нем все время играют бури...

Припомнились стихи в заводской газете рабочего поэта Юрия Петрова:

— Разыгралось окаянное,
Не на шутку озеро

Банное —

Бесшабашное,

непокорное...

Тучи по небу ходят

А в бору сильней слышен

волчий плач.

Говорят, коней здесь

купал Пугач.

Вот, наверное, здесь, на травянистом пойменном луку, где разместились массовка, и купал свое пыльное войско Емельян Пугачев.

Баюшкина тогда потянуло к воде, поплавать, понырять в сине-зеленые глубины. Он бегом бежал к озеру, рассматривая башкирское село в нескольких деревенных юрт, березы под горой и лодки, и плетни, щитами уходящие в озеро, и над ними светлым сторожем — чистое утреннее солнце. Славное было на душе среди зелени и озерной прохлады после дымного и душного города и огненных сталеварских ночей.

Широкая мягко-травяная поляна манила прилечь и забыться, или смотреть в огромное пустое небо, не обращая внимания на пылающие костры, волею судьбы суматоху, громкую музыку и разудалую песню о том, мол, какая песня без баяна и какая Марья без Ивана, на веселых заядлых рыбаков, улыбающихся в лодках на озерную середину, гомон, говор, под шелканье пробок и звон посуды над обильной снедью и вкусным варевом под свободное неограниченное питание — его тянуло к природе.

Но Жолудев и Полина разыскали его, взяли под ручки, усадили на расстеленное одеяло и налили ему фужер красного вина. Штрафную!

Он отпущивался, мол, я невольный воробей, но потом махнул рукой, и под хохот Полины выпил, в груди сразу потеплело и на душе просветлело, чего уж тут ло-

маться, когда вокруг гуляют все цеховые — в общем, вся родня! И уже не запертое стеной походной пылью, размороженное усталостью и прокопченное солнцем войско Пугачева разместились на лоне природы, а рабочий класс! Почему же не выпить и рюмочку беленькой во здравие и славу его? Приятно, черт побери!

Баюшкин помнит, что он с непривычки быстро опьянел, каким-то образом очутился у воды, уселся на большую ярко-зеленую кошку с осякой и опустил руки в озеро. Вода у берегов была рыжеватой от глинистого дна и теплой, но он знал, что дальше начинаются страшные километровые глубины с мощными донными родниками — там холод и мрак.

Эх, искупаться бы, да крутом народ... Вот если отойти подальше... Нет, все равно увидят, засмеют — ведь последний день августа все-таки. А ему что? Он и дома плескался в ванне только холодной водой, охлаждая раскаленное мартеновским зноем тело.

Вот и сейчас он охлаждал руки и прищипывал ладони к горячему гудящему лбу, пока не увидел сбоку, рядом со своими руками чьи-то другие руки. «Ну, вот, уже и двое!» — испуганно подумал он, но, приглядевшись, отметил, что те, вторые руки, были не такими худыми и жилистыми, как у него, а белыми и округлыми. Женские, догадался он, и поднял голову.

На него хитро и влюбленно смотрела Полина, стоя на коленях, чуть не терлась тугой щекой о его щеку.

— Что же это ты, Федор Иванович, от общества где-то вдали хоронишься? — упрямилась и засмеялась сочным пухлогубым ртом.

И глаза ее смеялись, даже прищуренные, лучились, сплошной розовый румянец темнел, заливая щеки и шею. Она отдувала губами золотые завитки волос за уши и успевала закреплять торопливо и накрепко шпильки в копну пышных соломённых волос, уложенных узлом на гордой, как говорят, королевской шее «Роза! Бутон, в общем...», — отметил Баюшкин, любясь Полиной, и стеснительно проговорил, как пробормотал:

— Да... Вот... я температуру воды пробую наощупь.

Улыбался в ответ ее гордый и грудной певучий голос:

— В гости не заходишь. Раньше часто бывал.

— Некогда. Спроси, у брата, у Петра, после смены выпустят нуту времени.

— А если ты, Феденька, меня вдруг полюбишь, ведь часто будешь навещать-ся?

— Сердцу не прикажешь.

— Слушай-ка, металлургия, пройдем на лодке по озеру? Ух, где-то мы на озере только вдвоем!..

— У меня водобоязнь...

Ничего не значащий вроде разговор, но он заметил, как потемнели ее глаза и потух королевский румянец на сразу уставшем лице.

— Тогда давай вместе... поплаваем?

— Простынешь, Поля. А мне потом за тебя отвечай.

— А ты чихай на всех! Иди на Вы, как князь Владимир Мономах когда-то...

— Ну, какой из меня князь...

(Продолжение следует)